

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 16

Холодильник

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Холодильник

<https://litres.ru/74126777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Коммерческий директор Вера Маркова забирает из дома умершей тётки старый холодильник «ЗИЛ-Москва» — единственную вещь, которая напоминает ей о детстве. Но в первую же ночь на полке появляется банка вишнёвого варенья, которую Вера не покупала. А следом — записка с её именем.

Вера живёт одна. Дверь заперта на два замка. Но каждое утро в холодильнике оказывается новая еда и новые письма. Она ставит камеру — запись показывает, что дверца открывается сама. Вера пытается понять, кто проникает в её квартиру, но следы ведут в никуда.

Кто-то наблюдает за ней. Кто-то знает её лучше, чем она сама. Кто-то ждал этого момента двадцать пять лет. И он не намерен останавливаться, пока не доберётся до неё.

Триллер-пазл о том, что скрывается за дверцей твоего холодильника.

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
Пролог	5
ЧАСТЬ 1. ГОСТИ С ТОЙ СТОРОНЫ	14
Глава 1	14
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	35
Г	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Холодильник

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

Пролог

Дождь лил третьи сутки. Вода стояла в лужах на Спасской, стекала по жестяным крышам, забивала ливневки, превращая стройку в болото. Котлован на месте будущего хозблока был залит жидкой глиной, в которой утопали доски, обрывки арматуры и окурки, занесённые ветром. Строительный кран застыл над ямой, как доисторическое чудовище, — его стрела упиралась в свинцовое небо, тросы хлестали по ветру, издавая металлический звон, и казалось, что он вот-вот оживёт, развернётся и обрушится на них всех.

Виктор Марков стоял в стороне от остальных, на краю котлована, и чувствовал, как грязь впитывается в подошвы его кирзовых сапог. Он держал в руках старый «Зенит» — фотоаппарат, доставшийся от отца, который работал в местной газете и научил его смотреть на мир через видоискатель. Виктор пришёл на стройку три дня назад. Кабанов сказал, нужен человек для отчётных снимков, заплатят нормально. Виктор согласился — деньги нужны были, дочь росла, жена сидела дома без работы. Он не знал, что увидит здесь то, что изменит его жизнь навсегда.

Он стоял над ямой и смотрел вниз. Час назад они заливали бетоном фундамент. Всё шло по плану. Рабочие таскали мешки с цементом, Громова, эта женщина из ЖЭКа, ходила с блокнотом и что-то записывала. Потом Кабанов, брига-

дир, зачем-то спустился вниз и что-то крикнул. Виктор не расслышал, что именно. Он услышал только глухой удар, потом вскрик, потом тишину. Громова замахала руками, и все замерли.

И вот теперь они стояли над ямой, а внизу, в грязи, лежал человек. Виктор не сразу узнал его. Он сделал шаг вперёд, спустился по скользкой лестнице на пару ступеней, чтобы разглядеть. Это был Ковальчук, сварщик, который пришёл на стройку три дня назад, подработать. Говорил, что у него сын, что надо платить за учёбу в институте. Виктор помнил его лицо — молодое, весёлое, с ямочками на щеках. Теперь он лежал на спине, и одна его рука была вывернута под неестественным углом, пальцы сжаты в кулак. Он не двигался. Глаза были открыты, но в них ничего не было.

Виктор сглотнул. В горле пересохло. Он поднял взгляд на Громову.

— Он мёртв? — спросил он. Голос его прозвучал хрипло, как будто он не пил несколько дней.

Громова посмотрела на него. Взгляд у неё был холодный, безразличный, как у человека, который привык решать чужие судьбы за обеденным столом. Ей было лет пятьдесят, седая стрижка, очки в тонкой оправе. Она держала блокнот и ручку, и казалось, что она сейчас запишет это в графу «производственные потери».

— Закопать, — сказала она. Голос у неё был ровный, деловой, как будто она обсуждала смету или график поставок.

— Быстро. Пока никто не видел.

Виктор перевёл взгляд на Кабанова. Тот уже взял лопату. Стоял у края котлована, тяжело дышал, и его руки дрожали. Верховцев, риелтор, который курировал этот участок и имел виды на всю эту землю, стоял чуть поодаль и смотрел на часы. Наручные, золотые, с хронографом. Он щёлкнул кнопкой, посмотрел на циферблат.

— У нас сорок минут до смены, — сказал он. — Рабочие вернуться. Надо успеть.

Виктор сделал шаг назад. Грязь чавкала под ногами. Он чувствовал, как сердце колотится о рёбра, как кровь стучит в висках. Он смотрел на них — на Кабанова с лопатой, на Верховцева с часами, на Громову с блокнотом. Он вдруг понял, что они не собираются его отпускать. Он видел слишком много. Он был свидетелем. А свидетелей не оставляют в живых.

— Он упал, — сказала Громова, глядя прямо на него. — Строительные леса обрушились. Несчастный случай. Ты понял, Марков?

Виктор кивнул. Он не знал, что ответить. Слова застредали в горле, как камни. Он был фотографом, а не строителем. Он пришёл сюда только потому, что нужны были деньги. Он не имел отношения к бетону, к растворам, к этой яме. Теперь он был частью этого. Он стал соучастником.

Он поднял фотоаппарат. Инстинкт. Он всегда так делал, когда не знал, что сказать, когда страх сковывал его — он

прятался за объективом. Он поднёс «Зенит» к глазам, навёл резкость, нажал на спуск. Щёлкнул затвор. Кабанов замер, услышав этот звук.

— Ты что делаешь, Марков? — спросил он. Голос его был низким, угрожающим.

Виктор опустил фотоаппарат.

— Несчастный случай, — повторила Громова. Она сделала шаг вперёд, и грязь хлюпнула под её туфлями. — Ты понял, Виктор?

Он смотрел на неё. На Кабанова. На Верховцева. Он переводил взгляд с одного на другого, и в каждом лице он видел одно и то же: они уже приняли решение. Они не оставят его.

— Я пойду, — сказал он. — Я никому не скажу. Я уйду и забуду.

— Нет, — сказал Кабанов. Он сжал лопату так, что косяшки побелели. — Ты никуда не пойдёшь, Марков. Ты с нами.

Виктор не стал ждать. Он развернулся и побежал. Он не думал, он просто рванул с места, и грязь летела из-под подошв, и ветер свистел в ушах. Сзади заорал Кабанов. Кто-то бросился следом — он слышал тяжёлые шаги, слышал, как они проваливаются в грязь, как матерятся.

Он бежал вдоль котлована, мимо штабелей досок, мимо бетономешалки, к старому зданию котельной, которое стояло на краю участка, наполовину разрушенное, наполовину живое. Он знал, что там есть подземный ход. Он видел его

на старых планах, которые показывала Громова, когда объясняла, как проходит коммуникация. Он не знал, куда он ведёт, но это был единственный выход.

Он влетел в котельную. Темнота ударила в лицо — густая, маслянистая, пахнувшая мазутом, ржавчиной и старой сажой. Он нащупал стену, дверь, ведущую в подвал, дёрнул её. Она поддалась, скрипнула петлями, и он нырнул вниз по лестнице, почти летя, перескакивая через ступени.

За спиной — шаги. Кабанов кричал: «Марков! Стой! Вернись, ты!». Голос его звучал глухо, отражённый бетонными стенами. Виктор бежал по подвалу, спотыкаясь о трубы, о камни, о доски. Здесь, под землёй, было сыро и холодно. Он слышал, как они открыли дверь котельной и бегут за ним. Свет фонариков плясал по стенам, выхватывая из темноты старые баллоны, куски арматуры, ржавую сетку.

Он нашёл лаз. Узкий, сантиметров сорок, — пролом в кирпичной кладке, который вёл прямо в стену жилого дома. Он не знал, как он оказался здесь. Может, старая вентиляционная шахта, может, ещё что-то. Он втиснулся в него, царапая плечи о кирпич, чувствуя, как рвётся куртка, как кровь выступает на коже. За спиной — голоса. Они почти настигли его.

Он задвинул за собой старую кладку — доски, кирпичи, мусор, — которые лежали здесь, словно кто-то приготовил их заранее. Они загрохотали, падая с глухим стуком, и он слышал, как Кабанов заорал: «Он замуровался!». Громова

сказала что-то тихо, он не разобрал слов. Потом стук. Грохот. За ним падали кирпичи, заваливая проход. Он был в ловушке.

Он оказался в пустой комнате. Три на два метра. Ни окон. Ни дверей. Только стены, сложенные из старого кирпича, и бетонный пол, холодный, влажный, в котором застыли лужицы воды. Он стоял, тяжело дыша, прижимая к груди фотоаппарат и что-то ещё — он не заметил, когда взял его. Он опустил глаза. В руке у него был ключ. Старый, чёрный, с круглой головкой и зубцами. Он сжал его так, что металл впился в ладонь, оставляя красный след.

Он опустился на колени. Грязь прилипла к штанам. Холод просачивался сквозь ткань, поднимался по ногам, забирался в кости. Он слышал, как за стеной, по ту сторону кладки, затихают голоса. Потом — шаги. Они уходили. Потом — грохот. Они замуровывали выход. Кирпичи падали один за другим, и каждый удар отдавался в его груди. Он был в ловушке. Навсегда.

Он прижался к стене. Она была тонкой — доски, штукатурка, за которой, он знал, была квартира в жилом доме. Он слышал шаги. Чьи-то шаги. Он прижался ухом к стене и слушал. Сначала тишина. Потом — звук. Холодильник. Гул мотора, ровный, знакомый. Потом — шаги. Детские. Лёгкие, быстрые.

Девочка сказала: «Мама, я хочу пить».

Виктор замер. Он узнал этот голос. Его дочь. Вера. Ей бы-

ло девять лет. Она жила здесь, в этом доме, на Большой Московской, у тётки Зои, на летних каникулах. Он привозил её сюда каждое лето, потому что в городе было жарко, а здесь, в старой части, было тень, трава и тишина. Он знал эту квартиру. Он знал эту стену. Он был так близко, что мог бы дотронуться до неё. Но между ними была стена. Кирпичи, штукатурка, доски, цемент.

Он зажал рот ладонью. Он не мог закричать. Он не мог позвать её. Если он закричит — они услышат. Верховцев, Кабанов, Громова. Они вернутся. Они убьют его. Они уже убили одного человека. Они закопают его в бетоне, как Ковальчука, и никто никогда не найдёт его тело.

Он сидел на полу, в темноте, и слушал, как его дочь ходит по комнате. Он слышал, как она открывает холодильник. Как мать, его жена Галина, наливает ей молоко. Он слышал, как она пьёт, как говорит: «Спасибо, мама». Он слышал, как она смеётся — этот звук, который он любил больше всего на свете.

Он сжимал кулаки. Он хотел выйти. Хотел обнять её. Хотел сказать, что он здесь, что он не бросил её, что он всегда рядом. Но он не мог. Он был замурован. Он был мёртв для этого мира.

Он опустил голову на колени. В руке у него был ключ. Он сжал его так, что металл впился в ладонь. Он будет ждать. Он будет жить. Он будет смотреть на неё через стену. Через щели. Через отверстия. Он выдолбит их пальцами, если на-

до. Он будет слышать её голос. Он не уйдёт. Никогда.

За стеной девочка сказала: «Мама, когда папа вернётся?»

Мать не ответила.

Виктор закрыл глаза. Тьма была вокруг него. Густая, холодная, вечная. Он прижался лбом к стене, к той самой стене, за которой была его дочь. Он не плакал. Он не мог. Он должен был остаться живым. Ради неё.

За стеной — тишина. Холодильник гудел. Вера ушла в свою комнату. Мать закрыла дверь.

Виктор остался один. В темноте. В тишине. В холоде.

Он поднял руку и провёл пальцами по стене. Штукатурка осыпалась под пальцами. Он нащупал щель — маленькую, незаметную. Он прижался к ней глазом. В щели он увидел свет. Тусклый, жёлтый, пробивающийся из кухни. Он увидел край холодильника — старый, белый, со следами ржавчины. Он увидел ножку стула, на котором сидела Вера. Он увидел её тень. Она двигалась.

Он не отрывался от щели. Он смотрел на тень своей дочери и знал: он будет делать это каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Он будет смотреть на неё. Он будет ждать. Он будет надеяться.

Он не знал, сколько пройдёт времени. Месяцы. Годы. Десятилетия. Но он знал одно: он не уйдёт. Он не оставит её. Он будет здесь, за стеной. Всегда.

Холодильник гудел. Тень девочки исчезла. Свет погас.

Виктор остался один. В темноте.

ЧАСТЬ 1. ГОСТИ С ТОЙ СТОРОНЫ

Глава 1

Вера проснулась от запаха вишни. Сладкий, густой, он вползал в спальню из кухни, обволакивал одеяло, проникал в ноздри, смешиваясь с утренней сыростью февральского воздуха. Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок, на котором плясали серые тени от фонарей за окном. За окнами на Большой Московской только начинался рассвет — снег падал на старые клёны, на крыши машин, на тротуары, устилая город белым, чистым покрывалом. Она знала этот запах. Это был запах детства. Запах тётки Зои, её дома на Спасской, её кухни, где всегда пахло вишней, сахаром и деревом. Но тётки Зои не было уже месяц. Её дом стоял пустой, заколоченный, и на следующей неделе его должны были снести. Вера сама подписала бумаги на снос.

Она села на кровати, провела рукой по лицу. Волосы спутались, на висках выступила испарина. Она натянула халат — старый, махровый, ещё с тех времён, когда жила с Марком, — и встала. Ноги коснулись холодного паркета. Она

прошла по коридору, мимо фотографий на стенах, мимо закрытой двери в гостиную, и остановилась на пороге кухни.

Холодильник был открыт. Белая дверца распахнута настежь, жёлтый свет изнутри падал на старую плитку с голубым узором, на линолеум, на стену, где висели полки с кастрюлями. На средней полке, между пакетом молока и упаковкой яиц, стояла банка. Старая, с ободранной этикеткой, на которой ещё угадывались выцветшие буквы: «Вишнёвое варенье. 1993». Вера узнала её. Она видела эту банку у тётки Зои много лет назад — она стояла в кладовке, на нижней полке, заслонённая другими банками с соленьями и компотами. Вера тогда спросила, почему она там, а тётка ответила: «Это для тебя, Верочка. Когда вырастешь». Вера выросла, но банка так и осталась в кладовке. И вот теперь она стояла в её холодильнике.

Вера шагнула вперёд. Плитка под ногами была ледяной — отопление в доме работало с перебоями, как и всегда в этом сталинском доме 1937 года постройки. Она протянула руку, коснулась стекла. Банка была тёплой. Её поставили недавно, может быть, полчаса назад. Или меньше.

Вера оглянулась на входную дверь. Та была заперта на два замка — верхний, английский, с ригелем, и нижний, сувальдный, который она поставила после развода, когда поняла, что Марк может вернуться и потребовать ключи. Цепочка висела нетронутой. Она проверила её вчера перед сном. Она всегда проверяла. Дверь была заперта изнутри. Никто

не входил. Никто не мог войти.

Она перевела взгляд на окно. Замок на деревянной раме был закрыт. Стёкла целые, без трещин. Снег на подоконнике лежал нетронутым — никто не открывал окно этой ночью. Она подошла к окну, провела пальцем по стеклу. Холодное, влажное. Снаружи — серая улица, утренние сумерки, редкие прохожие в зимних куртках. Никаких следов.

Вера вернулась к столу, взяла банку в руки. Она была тяжёлой — там было больше литра варенья, тёмного, густого, с целыми вишнями, плавающими в сиропе. Крышка была жестяной, слегка проржавевшей по краям. Вера повернула её — крышка поддалась с лёгким хлопком, вакуум сорвало. Внутри было варенье. Настоящее. Домашнее. То самое, которое варила тётка Зоя на своей старой плите, в медном тазу, который достался ей от бабушки. Вера помнила, как пахла вишня на весь дом, как она сидела на кухне, болтая ногами, и тётка давала ей пробовать горячий сироп с ложки. Она тогда обжигала язык, но не могла остановиться. Ей было девять лет.

Она поставила банку на стол, села на стул. Руки дрожали. В груди что-то сжалось — страх пополам с недоумением. Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить, не могла ли она сама принести эту банку. Но она знала — нет. Она не была у тётки Зои в доме с тех пор, как та умерла. Она не брала оттуда ничего, кроме старого холодильника — того самого, который теперь стоял у неё на кухне. Она забрала его из сен-

timentальности, потому что помнила его с детства. Он был частью её жизни. Но банка — нет. Банка не могла оказаться здесь сама собой.

Вера открыла холодильник снова. Заглянула внутрь. Верхняя полка: молоко, кефир, масло. Средняя: яйца, сыр, пустая миска, которую она забыла убрать. Нижняя: огурцы, помидоры, бутылка воды. И банка на средней полке. Между яйцами и сыром. Кто-то поставил её туда, освободив место, сдвинув пакет молока, чтобы она поместилась. Вера всегда ставила молоко слева, яйца справа. Сейчас молоко стояло в центре, а яйца были сдвинуты вправо. Кто-то переставил их.

Она закрыла дверцу. Прислонилась к холодильнику спиной. Металл был прохладным, и она чувствовала, как внутри гудит мотор, как вибрирует корпус. Она смотрела на стену напротив — там, за холодильником, была старая плитка, белая, с голубым узором, который уже стёрся в некоторых местах. Вера видела её каждый день, но никогда не обращала внимания. Сегодня она заметила: одна плитка выглядит иначе. Она была белее остальных, и швы вокруг неё были толще. Словно её клали не в те годы, что остальные. Может быть, позже. Может быть, намного позже.

Вера подошла к холодильнику, отодвинула его от стены. Колёсики скрипнули по линолеуму, оставляя чёрные следы. Она заглянула за него. Там была пыль, старая, серая, паутина в углах. И та плитка. Вера провела пальцами по её поверхности. Она была холодной. Твёрдой. Но на ощупь — не ка-

менной. Деревянной. Кто-то вырезал кусок фанеры, покрасил его в цвет кафеля и вставил в стену.

Она нажала на плитку — она не поддалась. Она постучала костяшками — глухой звук. Пустота. За ней было что-то. Какое-то пространство. Может быть, небольшая ниша. Может быть, больше.

Вера встала на колени, достала нож из ящика, провела лезвием по краям плитки. Штукатурка осыпалась белой пылью. Плитка чуть сдвинулась. Она сунула пальцы в щель, потянула на себя. Фанера с глухим стуком отошла в сторону. За ней была темнота. Чёрная, густая, полная холода. Сквозняк ударил в лицо, пахнуло сыростью, землёй и чем-то ещё — чем-то старым, забытым, спёртым. Вера замерла, не дыша. Она смотрела в отверстие, которое было ровно таким, чтобы в него мог пролезть человек. Невысокий, худой. Но человек.

Она отпрянула, задвинула фанеру обратно. Руки дрожали так сильно, что она едва удержала её. Она задвинула холодильник на место, выпрямилась. Сердце колотилось о рёбра, кровь шумела в ушах. Она перевела дух, закрыла глаза, сосчитала до десяти. Когда открыла, на столе, рядом с банкой, лежала записка. Белый прямоугольник, сложенный пополам. Вера не заметила её раньше. Может быть, она была под банкой? Или приклеена снизу?

Она взяла её, развернула. Бумага была старой, пожелтевшей по краям, и на ней было написано синими чернилами: «Я знаю, ты любишь вишнёвое. Я помню, как ты ела его у

тётки Зои. Ты всегда просила добавки. С добрым утром, Верочка».

Вера смотрела на записку, не веря своим глазам. Почерк был мужским, дрожащим, с неровными буквами, которые клонились влево. Словно человек, который писал, давно не держал ручку. Или писал в темноте. Она не знала этот почерк. Но тот, кто написал это, знал её. Знал, как она ела варенье у тётки. Знал, что она просила добавки. Знал её имя. И он знал, где она живёт.

Вера села на стул, тяжело дыша. Она сжала записку в руке, чувствуя, как бумага хрустит в кулаке. Она посмотрела на банку, на варенье, на стены, на двери. Она была одна. В своей квартире. Но она чувствовала чьё-то присутствие. Где-то рядом. За стеной.

Она встала, подошла к двери, проверила замки. Они были заперты. Она проверила окно — закрыто. Она проверила все комнаты — гостиную, спальню, ванную. Никого. Пусто. Только она. И банка варенья на столе. И записка.

Она вернулась на кухню, взяла телефон. Набрала номер Марка. Бывшего мужа. Он не взял трубку. Она набрала снова. Сброс. Она написала СМС: «Мне кажется, кто-то заходил в мою квартиру. Это не шутка». Через минуту пришёл ответ: «Не звони мне. Я занят». Она смотрела на экран и знала, что Марк не поможет. Он никогда не помогал. Он был риелтором, он видел её, только когда нужны были деньги. После развода он появился дважды — чтобы потребовать долю в

квартире и чтобы шантажировать её старыми фотографиями.

Вера убрала телефон, снова посмотрела на стену. За холодильником, за фанерой, была темнота. Кто-то стоял за ней. Кто-то, кто знал её имя. Она не знала, кто это. Но она должна была узнать. Она не могла жить, зная, что за её стеной есть пустота. И кто-то, кто смотрит на неё.

Она подошла к холодильнику, положила руку на дверцу. Мотор гудел ровно. Она открыла его, взяла банку, поставила обратно на полку. Закрыла. Посмотрела на записку, лежащую на столе. Она сжала её в кулаке и пошла в спальню. Легла на кровать, глядя в потолок, слушая, как гудит холодильник. И знала: она не уснёт сегодня. И, возможно, не уснёт уже никогда.

За стеной было что-то. И она должна была это найти.

Глава 2

Вера выехала на Спасскую в десять утра. Снегопад прекратился, и город на мгновение замер в серой, влажной тишине. Дорога была скользкой, машина — старенький «Форд Фокус», доставшийся от Марка в обмен на молчание о его долгах, — плохо слушалась руля, и Вера сжимала его обеими руками, чувствуя, как под пальцами вибрирует пластик. Она не спала всю ночь. Лежала, глядя в потолок, прислушиваясь к каждому шороху, к гулу холодильника, к скрипу старого дома, который оседал на фундаменте. Несколько раз ей казалось, что она слышит шаги. Там, за стеной. Глухие, осторожные, крадущиеся. Она вставала, подходила к холодильнику, прижималась ухом к стене, но слышала только, как мотор выключался и снова включался, как ветер завывал в вентиляционной шахте. Она не спала, но к утру, когда за окном начало сереть, поняла, что должна поехать на Спасскую. Должна увидеть дом тётки Зои. В последний раз.

Она припарковалась у забора, за которым стоял дом. Старый, деревянный, с покосившимся крыльцом и облупившейся краской, он казался ещё более ветхим, чем в прошлый раз. Снег лежал на крыше, на подоконниках, на ступеньках, и весь дом напоминал старуху, которая присела отдохнуть на обочине и уже не встанет. На заборе висело объявление: «Объект подлежит сносу. Вход воспрещён. УК «Городской

дом»». Вера прочитала его и почувствовала, как в груди что-то сжалось. Она выросла в этом доме. Каждое лето, с пяти до пятнадцати лет, она приезжала сюда к тётке Зое, пока мать работала. Здесь пахло пирогами, деревом, старой мебелью и вареньем. Здесь она впервые услышала, как гудит старый холодильник «ЗИЛ-Москва», который стоял на кухне и работал уже тридцать лет. Она помнила его белый корпус с желтизной, помнила, как открывала дверцу, и лампочка внутри загоралась тёплым жёлтым светом. Он был частью её детства. И когда тётка умерла, Вера решила забрать его. Единственную вещь, которая напоминала о тех годах.

Грузчики уже были на месте. Двое мужчин в оранжевых жилетах курили у ворот, грея руки о кружки с чаем. Увидев Веру, они бросили окурки в снег и подошли.

— Холодильник, — сказала Вера. Она показала на дом. — На кухне. Старый, белый. Я говорила с вашим начальником.

— Знаем, — сказал один из грузчиков, низкорослый, с щетиной на лице. — Заберём. Только заплатите за вынос, как договаривались.

— Я оплатила вчера, — ответила Вера. Она достала телефон, показала квитанцию. Грузчик глянул, кивнул.

— Заходим тогда.

Они прошли в дом. Внутри было холодно и сыро. Дом не отапливался месяц, и воздух казался ледяным, пропитанным запахом плесени, дерева и старого текстиля. Вера прошла на кухню. Там всё было так же, как в день смерти тётки: стол,

покрытый клеёнкой, посуда на полках, выцветшие занавески на окнах. И холодильник. Старый, белый, с круглыми углами, он стоял в углу, как памятник ушедшей эпохе. На дверце всё ещё висел магнит в виде вишни — тот самый, который Вера привезла из лагеря, когда ей было двенадцать.

Грузчики подошли, отодвинули холодильник от стены, подцепили лямками. Холодильник легко отделился от пола — он оказался легче, чем казался.

— Лёгкий, — удивился щетинистый. — Старый, а ещё работает?

— Да, — ответила Вера. Она провела рукой по дверце, чувствуя холод металла. — Всегда работал. Тётка говорила, его ещё в семьдесят седьмом купили.

Грузчики вынесли холодильник во двор, поставили на снег. Вера вышла за ними. Смотрела, как они грузят его в фургон, как закрепляют ремнями, чтобы не упал.

— Бабушка ваша? — спросил щетинистый, кивая на дом.

— Тётка, — ответила Вера. — Умерла в январе.

— Сочувствую, — сказал он. И добавил, уже без иронии: — Хороший холодильник. Ещё работает, старая рухлядь.

Вера кивнула, не оборачиваясь. Она стояла у забора, смотрела на дом, и странное чувство охватывало её. Что-то было не так. Какая-то деталь не совпадала. Она не могла понять, что именно. Дом выглядел так же, как в прошлый раз, когда она была здесь после смерти тётки. Но ощущение было другим. Как будто кто-то был здесь. Как будто кто-то захо-

дил внутрь, пока она не видела.

Она обернулась. У забора, с другой стороны, стоял человек. Мужчина в чёрном капюшоне, натянутом на голову так, что лица не было видно. Он стоял неподвижно, глядя на неё. Вера замерла. Она не знала его. Не видела его раньше. Но он смотрел прямо на неё, и в этой неподвижности было что-то угрожающее. Она не могла разглядеть его лица — капюшон скрывал его, оставляя только тень. Но она чувствовала его взгляд. Тяжёлый, пристальный.

Она отвернулась, завела двигатель. Машина фыркнула, закашляла, но завелась. Она включила передачу, тронулась с места. В зеркале заднего вида она видела, как мужчина в капюшоне развернулся и ушёл в переулок. Он не торопился. Просто ушёл, растворившись в сером февральском утре.

Вера выехала на главную дорогу, сжимая руль. Сердце колотилось, в ушах шумело. Она пыталась успокоить себя. Просто случайный прохожий. Просто человек, который стоял у забора. Но она знала, что это не так. Он смотрел на неё. Он ждал её.

Она ехала по улицам Владимира, мимо старых домов, мимо церквей, мимо заснеженных деревьев. Город был тихим, безлюдным, и только редкие машины проезжали мимо, оставляя за собой чёрные полосы на мокром асфальте. Она думала о тётке Зое, о доме, о холодильнике. И о мужчине в капюшоне. Кто он был? Почему он смотрел на неё? Она не знала ответов. Но она знала одно: сегодня она не вернётся к

обычной жизни.

Она подъехала к своему дому на Большой Московской. Машину припарковала на обычном месте, напротив подъезда, где стояла старая скамейка и рос клён. Она вышла из машины, взяла сумку, направилась к входной двери. И замерла.

В подъезде была полицейская лента. Жёлтая, с надписью «Осторожно. Место происшествия», она перегородивала вход, натянута между перилами и стеной. Вера остановилась, не понимая, что происходит. Рядом с подъездом стояла полицейская машина — белая «Лада» с синей полосой. Двое полицейских разговаривали с соседкой — Надеждой Ивановной, которая жила на первом этаже. Она плакала, вытирая слёзы платком.

— Что случилось? — спросила Вера, подходя ближе.

Надежда Ивановна обернулась. Глаза у неё были красные, лицо опухшее от слёз.

— Олега убили, — сказала она, всхлипывая. — Олега Сергеевича. Риелтора. У него всё горло перерезано. Прямо в офисе.

Вера почувствовала, как кровь отливает от лица. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть. Олег Верховцев. Риелтор. Тот самый, кто продавал дом тётки Зои. Тот самый, кто подписал бумаги на снос.

— Когда? — спросила она. Голос её звучал хрипло, как будто она не пила несколько дней.

— Сегодня ночью, — сказал один из полицейских. — Его

нашли в офисе утром. Вы знали его, гражданка?

Вера кивнула, не в силах говорить. Она вспомнила, как Верховцев приезжал к тёткиному дому, как он смотрел на него, оценивая, как говорил о сносе. Она вспомнила его спокойный, деловой голос. И теперь он был мёртв.

Она смотрела на полицейскую ленту, на соседку, которая плакала, на машину, которая стояла у подъезда. И вдруг поняла. Верховцев не был случайной жертвой. Его убили. Потому что он знал что-то. Потому что он был частью чего-то. Может быть, он знал о стене. О том, что за стеной её квартиры есть пустота. О том, кто живёт там.

Она подняла глаза на окно своей квартиры. Там, на третьем этаже, было темно. Но она знала, что кто-то смотрит на неё. Она чувствовала это кожей. Тот, кто убил Верховцева, был рядом. И он смотрел на неё.

— Вера Сергеевна? — услышала она голос полицейского.
— Вам плохо?

Она покачала головой, сделала шаг вперёд, к двери. Лента преграждала ей путь.

— Мне нужно домой, — сказала она.

— Нельзя, — ответил полицейский. — Здесь место происшествия. Мы проверяем квартиру Верховцева на втором этаже. Он жил здесь.

Вера замерла. Верховцев жил в её доме. В её подъезде. Этажом ниже. Она не знала этого. Она видела его только на работе. Он был риелтором, он приезжал к ней, чтобы подпи-

сать бумаги, но она никогда не знала, что он живёт здесь.

Она подняла глаза на окна второго этажа. Там тоже была полицейская лента, и через стекло она видела, как внутри ходят люди в форме. Верховцев жил здесь. Под ней. Всё это время.

Она смотрела на своё окно, на третий этаж, и думала о стене. О том, что за ней есть пустота. О том, что кто-то живёт там. Кто-то, кто знает её имя. И кто теперь убил Верховцева. Потому что он знал.

Она повернулась и пошла к машине. Полицейский окликнул её, но она не обернулась. Она села в машину, закрыла дверь, завела двигатель. Ей нужно было уехать. Ей нужно было подумать. И ей нужно было узнать, что за стеной.

Глава 3

Вера поднялась на третий этаж пешком. Лифт в доме не работал уже года два — старый, ещё советский, с облупившейся краской и кнопками, на которых стёрлись цифры. Жильцы привыкли к скрипучей лестнице, на которой вечно лежал снег, принесённый на подошвах, и пахло кислой капустой из квартиры на втором этаже. Вера прошла мимо квартиры Верховцева. Дверь была опечатана жёлтой полицейской лентой, и через щель виднелась темнота. Она ускорила шаг, поднялась выше, повернула ключ в замке своей двери.

Внутри было тихо. Только гул доносился из кухни — тот самый, который она помнила с детства. Ровный, глубокий, почти утробный звук старого компрессора, который работал десятилетиями, не останавливаясь. Грузчики поставили холодильник на место, задвинули в угол, туда, где раньше стоял её новый, который она выбросила месяц назад. Старый «ЗИЛ-Москва» выглядел здесь чужеродно, как пришелец из другого времени, но он гудел привычно, и этот звук успокаивал Веру, хотя она не могла объяснить почему.

Она закрыла дверь, повесила цепочку, проверила замки. Дважды. Трижды. Она делала это каждый раз, когда возвращалась домой, но сегодня особенно тщательно. За окном вечерело, снег падал снова, и на стекле замерзали узоры. Ве-

ра сняла пальто, повесила его на плечики в прихожей, прошла на кухню. Холодильник стоял на своём месте, белый, с жёлтым оттенком на дверце — там, где десятилетия рук касались ручки. Она открыла его. Внутри было пусто. Чистые полки, пустые ячейки для яиц, пахло пластиком и холодом. Никакой банки варенья. Никаких записок. Только свет лампы и тишина. Она закрыла дверцу, прислонилась к ней спиной. Корпус вибрировал от работы мотора, и эта вибрация передавалась ей в спину, в позвоночник, в затылок. Она закрыла глаза и попыталась успокоиться.

Вчерашнее утро казалось ей далёким сном. Банка варенья, записка, плитка за холодильником. Всё это могло быть плодом её воображения. Она не спала несколько дней, стресс на работе, смерть тётки, снос дома. Она могла себе всё это придумать. Но она знала, что нет. Записка была настоящей. Она лежала в кармане её халата, и Вера чувствовала её там, как напоминание о том, что её мир уже не был прежним.

Она вышла из кухни, прошла в спальню. Села на кровать, провела рукой по лицу. Пальцы дрожали. Она взяла телефон, набрала номер Марка. Бывший муж, риелтор, тот самый, который знал Верховцева. Она слышала от него о Верховцеве несколько раз — он называл его «Олег Сергеевич, наш общий знакомый». Вера тогда не придавала этому значения. Теперь она понимала, что они работали вместе. Может быть, не только работали.

Телефон гудел в трубке. Раз. Два. Три. Сброс. Марк не

взял трубку. Она набрала снова, чувствуя, как раздражение поднимается внутри, смешиваясь со страхом. Снова гудки. Снова тишина. Она сжала телефон, посмотрела на экран. Она знала, что он видит её звонок. Он просто не хотел отвечать.

Она написала СМС: «Ты слышал? Убили Олега Верховцева. Риелтора. Его нашли сегодня утром в офисе». Отправила. Секунда. Две. Три. Телефон завибрировал. Ответ: «Я знаю. Я у него был вчера. Не звони мне».

Вера уставилась на экран. Она перечитала сообщение несколько раз, вглядываясь в каждую букву. «Я у него был вчера». Он был у Верховцева. Накануне убийства. Она знала, что Марк и Верховцев были знакомы, но не знала, что они встречались. Она не знала, что Марк был в его офисе за день до того, как его нашли мёртвым. Что они обсуждали? Дом тётки? Деньги? Или что-то ещё, о чём она не догадывалась?

Она набрала номер снова. На этот раз он взял трубку.

— Я сказал, не звони мне, — голос у него был резким, раздражённым, как всегда, когда она звонила без повода. За спиной слышался шум — машины, ветер, звуки города. Он был где-то на улице, может быть, в центре, может быть, у клиентов.

— Ты был у него вчера, — сказала Вера, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Что ты делал у Верховцева?

— Работа, Вера, — голос его стал ещё резче. — Неужели ты думаешь, что я обсуждаю с тобой свои дела? Ты уже не

моя жена.

— Я знаю, что не твоя жена, — ответила она, чувствуя, как холод пробегает по спине. — Но я хочу знать, что ты делал у него. Он мёртв, Марк. Его убили. Ты был у него вчера. Это не совпадение.

— И что? — его голос стал почти злым. — Я не единственный, кто был у него вчера. Ты думаешь, я его убил? Ты думаешь, я способен на такое?

— Я не знаю, на что ты способен, — сказала она тихо. — Ты изменился за эти годы. Я не знаю тебя.

— Забудь про Верховцева, — ответил Марк. — Это не твоё дело. Не лезь в это. И не звони мне больше.

Он повесил трубку. Вера смотрела на телефон, на чёрный экран, который отражал её лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, осунувшееся от бессонницы и страха. Она не спала две ночи подряд, и теперь чувствовала, как усталость наваливается на неё, как тяжёлое одеяло, мешающее дышать. Она положила телефон на тумбочку, опустила голову. Она не знала, что думать. Марк был у Верховцева вчера. Он знал его. У него был доступ в его офис. У него был мотив — она знала, что Марк задолжал крупные суммы, что он играл в азартные игры и проигрывал. Верховцев мог быть его кредитором. Или партнёром. Или тем, кто знал его тайны. Она не знала, что именно связывало их, но она знала, что это было что-то важное. Что-то, из-за чего Марк мог убить.

Она поднялась с кровати, подошла к окну. Внизу, на ули-

це, было пусто. Снег падал на машины, на тротуары, на скамейку у подъезда. Полицейская лента всё ещё висела на входной двери, и время от времени прохожие замедляли шаг, глядя на неё. Вера смотрела на ленту, и в голове всплывали слова Марка: «Забудь про Верховцева. Это не твоё дело». Но это было её дело. Верховцев подписывал бумаги на снос тёткиного дома. Верховцев знал о стене. Может быть, он знал, что за ней есть пустота. Может быть, он знал, кто живёт там. И кто-то убил его, чтобы он не рассказал.

Она повернулась к кровати, собираясь лечь, и замерла. На подушке, ровно в центре, лежал белый прямоугольник. Записка. Она не клала её туда. Она не оставляла никаких бумаг на кровати. Она подошла ближе, взяла её в руки. Бумага была старой, чуть пожелтевшей по краям, и на ней было написано теми же синими чернилами, тем же дрожащим почерком: «Не бойся, Верочка. Я рядом. Я всегда буду рядом. Ты не одна».

Вера смотрела на записку, и сердце её колотилось так сильно, что она слышала его удары в ушах. Это был тот же почерк, что и на утренней записке. Тот же, что и на банке варенья. Она не знала его, но он был ей знаком. Где-то в глубине памяти, в детстве, она видела что-то похожее. Она не могла вспомнить, но что-то в этих буквах, в этом наклоне, заставляло её чувствовать, что она знает его.

Она выбежала из спальни, прошла в прихожую, проверила дверь. Заперта. Цепочка на месте. Замки закручены. Она

проверила окна в гостиной, в ванной — закрыты. Везде было пусто. Никаких следов. Она вернулась в спальню, села на кровать, сжимая записку в руке. Кто-то был здесь. Кто-то вошёл, пока она разговаривала с Марком. Может быть, через стену. Может быть, через тот лаз, который она видела за холодильником. Кто-то, кто знал её имя, её привычки, её прошлое. Кто-то, кто ждал её все эти годы.

Она встала, пошла на кухню. Холодильник гудел, ровно, привычно. Она открыла дверцу. Внутри всё ещё было пусто, но на нижней полке лежал маленький свёрток — белая марля, перевязанная бечёвкой. Она взяла его, развернула. Внутри была игрушка. Старый, выцветший пластмассовый заяц, с оторванной правой рукой. Вера узнала его. Это был её заяц. Она потеряла его в доме тётки Зои, когда ей было семь лет. Она плакала тогда несколько дней, и тётка успокаивала её, обещая, что заяц найдётся. Но он не нашёлся. Он исчез, и Вера забыла о нём.

Теперь он лежал у неё на ладони. И рядом с ним — ещё одна записка. Она развернула её. «Я хранил это для тебя. Все эти годы. Я знал, что ты вернёшься. Я ждал тебя, Верочка. Ты не представляешь, как я ждал».

Вера сжала записку в руке. Она стояла на кухне, глядя на холодильник, и чувствовала, что мир вокруг неё рушится. Кто-то был в стене. Кто-то, кто знал её имя, её любимое варенье, её игрушку. Кто-то, кто ждал её. И этот кто-то был рядом. Все эти годы. И он знал, что она вернётся. Знал, что

она приедет в дом тётки, что заберёт холодильник, что привезёт его сюда. Он планировал это. Он ждал этого.

Она стояла, глядя на холодильник, который гудел ровно, как в детстве, и слышала его голос в голове: «Я рядом. Я всегда буду рядом». Она не знала, кто он. Но она знала, что должна узнать. Что она должна открыть стену. Должна найти его. Потому что он ждал её. И он знал, что она придёт.

Глава 4

Вера нашла номер слесаря в старой записной книжке, которую хранила в ящике кухонного стола вместе с какими-то счетами, чеками и старыми фотографиями. Визитка была пожелтевшей от времени, края обтрепались, но номер телефона, напечатанный мелким шрифтом, ещё читался: «Аварийное вскрытие замков. Круглосуточно. Геннадий Петрович». Вера не помнила, когда взяла эту визитку. Может быть, когда въезжала в эту квартиру три года назад, может быть, когда Марк потерял ключи и они вызывали мастера. Она не помнила. Но визитка лежала здесь, и Вера взяла её, как спасательный круг.

Она набрала номер в десять утра. Телефон гудел долго, почти минуту, и Вера уже хотела сбросить звонок, когда трубку взял мужской голос — хриплый, со сна, с лёгкой сопотцой. «Да». Вера объяснила, что ей нужно срочно поменять все замки в квартире: входную дверь, дверь в подъезд, почтовый ящик. Слесарь помолчал, потом спросил, что случилось. Вера сказала, что просто нужно. Он спросил, не взломали ли её. Она ответила, что нет, просто хочет быть уверенной. Он хмыкнул, сказал, что будет через час.

Она ждала его, сидя на кухне, глядя на холодильник. Тот гудел ровно, привычно, но теперь этот звук казался ей зловещим, как дыхание спящего зверя. Она не прикасалась к

нему с тех пор, как нашла игрушку и записку на нижней полке. Она не знала, что ещё может появиться там. Она боялась открывать дверцу. Она боялась увидеть что-то новое, что-то, что подтвердит её страхи. Она сидела и смотрела на белую дверцу, на магнит в виде вишни — тот самый, что она привезла из лагеря в двенадцать лет. Она тогда думала, что он красивый, что он будет напоминать ей о лете. Теперь он казался ей насмешкой, издевательством.

Слесарь пришёл ровно через час. Вера услышала шаги на лестнице — тяжёлые, с хриплым дыханием. Она подошла к глазку, посмотрела. Мужчина лет пятидесяти, низкорослый, в засаленной куртке, из-под которой виднелся старый серый свитер. На голове — шапка-ушанка, на ногах — разношенные ботинки. Он нёс с собой старый чемоданчик, полный инструментов, и пахло от него машинным маслом, сигаретами и потом. Вера открыла дверь, сняла цепочку, повернула новый ключ. Слесарь вошёл, огляделся.

— Какие замки менять будем? — спросил он. Голос у него был сиплый, как будто он простудился или курил всю жизнь.

— Все, — сказала Вера. — Входную дверь, дверь в подъезд, почтовый ящик. Всё.

Слесарь подошёл к двери, осмотрел замки. Верхний — английский, с ригелем, блестящий, почти новый. Нижний — сувальдный, старый, с двусторонним ключом, который Вера поставила ещё при въезде, когда поняла, что Марк может вернуться и потребовать ключи. Слесарь повертел их,

попробовал ключи, покачал головой.

— Хорошие замки, — сказал он. — Дорогие. Это же «Cisa» с броненакладкой. Такие лет двадцать служат. Зачем менять? Они прослужат ещё лет десять.

— Мне нужно, — ответила Вера. Она смотрела на него, чувствуя, как напряжение сжимает грудь. — Чужие люди заходят.

Слесарь поднял на неё глаза. Взгляд у него был цепкий, изучающий. Он посмотрел на неё так, как смотрят на человека, который говорит странные вещи. Он хотел спросить, что случилось, но, видно, решил не лезть. Он кивнул, достал отвёртку.

— Хозяин — барин, — сказал он. — Будет сделано.

Вера смотрела, как он работает. Снял старые замки, поставил новые — с тройной системой защиты, с бронированными накладками, с кодовыми ригелями. Пальцы у него были грубые, мозолистые, но ловкие. Он работал быстро, уверенно, и через сорок минут всё было готово. Он протянул ей связку ключей — три комплекта, с брелками в виде маленьких цифр.

— Никому не давайте, — сказал он. — Даже если кто-то попросит. Даже если скажут, что вы сами звонили и просили. Это самые надёжные замки, которые я могу поставить.

Вера кивнула, расплатилась, провела его до двери. Слесарь вышел на лестницу, обернулся.

— Вы одна живёте? — спросил он.

— Да, — ответила Вера.

— Будьте осторожны, — сказал он. — Ночью не открывайте никому. Даже если будут стучать. Даже если скажут, что это соседи. Никому.

Вера закрыла дверь, повернула новые замки, повесила цепочку. Потом проверила всё ещё раз. Она стояла в прихожей, слушая, как затихают его шаги на лестнице, как хлопает дверь подъезда внизу. Она была одна. И она была в безопасности.

Она прошла по квартире. Проверила все окна. На кухне — закрыты. В гостиной — закрыты. В спальне — закрыты. В ванной — тоже. Она проверила форточки, вентиляционные решётки, даже дверцу в кладовку, где стояли старые банки и коробки. Везде было пусто. Она закрылась изнутри на все замки, перепроверила цепочку. Теперь никто не мог войти. Никто.

Всю ночь Вера не спала. Она лежала в кровати, глядя в потолок, слушая тишину. Холодильник гудел на кухне — ровно, привычно, но теперь этот звук казался ей голосом, напоминающим о том, что она не одна. Она вспомнила, как в детстве, когда жила у тётки Зои, холодильник гудел так же, и этот звук успокаивал её. Она засыпала под него, чувствуя себя в безопасности, зная, что тётка рядом, что никто не войдёт в дом. Теперь тот же звук пугал её. Он говорил ей, что прошлое не ушло. Оно всё ещё здесь, за стеной.

Она пыталась заснуть, но сон не шёл. Каждый шорох, каж-

дый скрип старого дома заставлял её вздрагивать. Она слышала, как трубы стучат в стенах, как ветер завывает за окном, как снег падает на крышу. Она слышала все звуки, которые обычно не замечала. И среди них — другие. Тихие, осторожные. Шаги.

Где-то около двух часов ночи Вера села на кровати. Шаги доносились из ванной. Глухие, словно кто-то ступал по кафелю босиком. Она замерла, прислушалась. Шаги продолжались. Медленно, ритмично, как будто кто-то ходил из угла в угол. Вера встала, нащупала ногами тапочки, пошла по коридору. В руке она сжимала кухонный нож, который прихватила из ящика, когда шла в спальню. Она не знала, зачем он нужен, но она чувствовала, что должна иметь что-то, что защитит её.

Она остановилась у двери в ванную. Шаги стихли. Тишина. Только холодильник гудел вдалеке. Она толкнула дверь, и она открылась с лёгким скрипом.

В ванной было пусто. Только белый кафель, холодный, влажный, и свет уличного фонаря, пробивающийся через запотевшее окно. Вера шагнула внутрь. Плитка под ногами была ледяной, и она чувствовала холод даже через тапочки. Она огляделась. Никого. Только стена — та самая, за которой была спрятана плитка. Вера подошла к ней, прижалась ладонью. Стена была холодной, твёрдой. Но она чувствовала: за ней — тишина. Такая же, как в пустом помещении.

Она прижалась ухом к стене. Сначала ничего. Потом —

дыхание. Тихий, ровный выдох. Кто-то стоял с другой стороны. Вера отшатнулась, прижала ладонь ко рту, чтобы не закричать. Она слышала его дыхание. Он был там. За стеной. Он стоял и дышал. Он знал, что она здесь. Он чувствовал её. Он ждал её.

Вера выбежала из ванной, захлопнула дверь. Она закрылась в спальне, задвинула задвижку, прижалась спиной к двери. В руке она всё ещё сжимала нож. Она не могла дышать. Не могла думать. Она чувствовала его присутствие, он был рядом, за стеной, и он знал, что она здесь. Он ждал её.

Она не спала до утра. Сидела на кровати, сжимая нож, глядя на дверь, прислушиваясь. Тишина. Только холодильник гудел на кухне. Но она знала — он всё ещё там. За стеной. Он ждал, когда она уснёт. Ждал, когда она откроет стену. Ждал, когда она придёт к нему.

Когда за окном начало светать, Вера встала. Ноги затекли, спина болела от напряжения. Она вышла на кухню, остановилась перед холодильником. Он гудел ровно, как всегда. Она открыла дверцу.

На верхней полке стояла бутылка молока. Тёплая, её только что поставили. Рядом — записка. Белый прямоугольник, сложенный пополам. Она развернула его дрожащими руками. «Я слышал, как ты плакала, Верочка. Не плачь. Я здесь. Я всегда здесь».

Вера сжала записку в кулаке. Она смотрела на холодильник, который гудел ровно, и не знала, что делать. Он был ря-

дом. Он был за стеной. И он слышал, как она плакала. Он знал каждый звук, который она издавала. Он знал всё.

Она закрыла дверцу холодильника, прислонилась к ней спиной, и медленно сползла на пол. Впервые за много лет она заплакала. Тихо, беззвучно, сжимая записку в руке. Она не знала, кто он. Она не знала, зачем он это делает. Но она знала, что она больше не одна. Кто-то смотрит на неё. Кто-то ждёт её. Кто-то знает её имя. И он будет ждать, пока она не откроет стену.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.